

ТОТАЛИТАРИЗМ И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

9

ВЫПУСК

Март 2011

ТРУДНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ (ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ АСПЕКТЫ)

Слова «модернизация» и «инновации» стали чрезвычайно популярными. Подчас они напоминают волшебные заклинания, которые нужно повторять большой России для быстрого избавления её от разнообразных недугов: «Сезам, откройся! Инновации, свершитесь! Приди, приди, Модернизация!»

С.П. Перегудов пишет, что мировой финансовый кризис первого десятилетия XXI в. «как известно, “опустил” российскую экономику до уровня, сколько-нибудь длительное пребывание на котором чревато поистине катастрофическими последствиями... императив модернизации, долгое время постулировавшийся лишь словесно, стал в настоящее время для российской политической элиты приоритетом номер один» [8. С. 126].

Для того чтобы понять трудности и возможности модернизации России, необходимо учитывать особенности переживаемого ею исторического периода и побудительные силы развития – внутренние и внешние.

Трактовки модернизации весьма многообразны. П. Штомпка, анализируя основополагающие работы, посвященные этой проблематике, выделяет историческое, релятивистское и аналитическое толкование модернизации. Историческое понимание под модернизацией понимает вестернизацию или американизацию. Релятивистская трактовка акцентирует внимание на том, что модернизация «имеет отношение к инновациям в моральных, этических, технологических и социальных установках, которые вносят свой вклад в улучшение условий человеческого существования». Аналитические определения сосредоточиваются на комплексе структурных изменений и специфическом, современном, типе личности [10. С. 173-175].

В.Л. Цымбурский из возможных вариантов анализа проблемы развития в РФ с помощью понятия модернизация (а её можно понимать как, во-первых, решение Россией собственных проблем и «строительство капитализма в одной стране, в то время как мировая программа “модернизации для всех” мировыми лидерами отложена “под сукно”; во-вторых, “как экзогенную составляющую российского ритма – вызово-ответную адаптацию к мировой конструкции»; в-третьих, как автономные преобразования) более приемлемым считает первый вариант [11. С. 156].

Используя идеальный тип хронополитической амплитуды - Шпенглеровский цикл Цымбурский делает вывод: «Несомненно, что в рамках этого цикла Россия пребывает на стадии, соответствующей раннему европейскому модерну XVI - XVII вв.» [11. С. 156]. Эта стадия является «критической» [11. С. 152].

М. Ильин считает, что в основное эволюционное содержание Раннего Модерна входят следующие моменты, содержащие внутренние и внешние аспекты: «1. Секуляризация (демистификация порядка)»; 2-3. Суверенизация (монополизация принуждающего насилия), 2-3. Утверждение гегемонии

(консолидация гражданского общества); 4. Конституционализация (соединение постоянных и переменных параметров порядка)» [4. С. 86].

Анализируя Шпенглеровский цикл, Цымбурский отмечает, что последний включает: аграрно-сословную фазу; городскую фазу («городскую революцию» и надсословное государство); фазу баланса города и земли; фазу «гигантских космополисов и эксплуатируемых ими мировых империй, массовых обществ с пережитками крипто-тиранического вождизма и силовых переделов мира» [11. С. 154].

Критическую стадию своего развития Россия проходит, обладая некоторым запасом времени и некоторыми условиями своей безопасности, которые элита должна использовать. Критичность стадии в том, что российская цивилизация «вошла в решительную фазу своей городской революции – фазу, по итогам которой определится образ России на много столетий» [11. С. 152]. Временная проблема, сопрягающая эндогенные и экзогенные факторы, заключается в том, «чтобы городская Россия успела оформиться и предстать к моменту, когда закат сегодняшнего мирового порядка поставит русских перед проблемами, сейчас лишь отчасти воображаемыми» [11. С. 149].

Важным для решения этой проблемы является то, что Россия отказалась «изображать антагонистически “иное” в отношениях с консолидирующимся Западом». Неевропейская страна (Россия) решила для себя вопрос о том, быть ли ей «европейской державой», и таким образом произошло «сжатие» и «российскому стратегическому двоеритмию» пришел конец [11. С. 148]. Произошло «ослабление внешнего давления на Россию с восстановлением островного паттерна» [11. С. 150].

«Параметры полутополярного мира, поле Великого лимитрофа и атомное оружие – три опоры безопасности “Острова Россия”...», - считает Цымбурский [11. С. 152].

Таким образом, повторимся, внешние условия дают России некоторое время для проведения модернизации. Проблема в том, чтобы воспользоваться этим временем наиболее эффективно. А это требует мобилизации внутренних сил.

С какой реальностью приходится иметь дело внутри России, чтобы совершить задачи модернизации? Прежде всего, это трудности «городской революции». Как социальная трансформация, она взаимосвязана с экономическими, социальными и политическими процессами.

Туда Скочпол в трансформации (революции) считает важными «изменения производственной структуры и производственных отношений», а также «изменения классовых структур» и «изменения международных институтов, организаций, внутригосударственных институтов» [3. С. 59].

В.П. Васильев пишет, что «долгосрочная стратегия России, связанная с позиционированием в элите мировых держав, предопределяет вложения и бизнеса и государства в человеческий капитал и инновации, прежде всего технологические» [1. С. 35]. Г.А. Дробот подчеркивает: «Чтобы изменить международный статус России, желательно в сторону повышения,

необходимо качественно изменить роль наукоемкого производства в экономике страны» [2. С. 44].

Если анализировать технологическую составляющую экономики РФ и в связи с ними отношения РФ с другими державами, то бросается в глаза очень низкая (по сравнению с развитыми странами) доля информационно-коммуникационных технологий в структуре ВВП, а это один из показателей качества экономики. «Объем отечественного высокотехнологичного экспорта достигает в последние годы 2,5 – 3 млрд. долл., что составляет всего 0,13% мирового экспорта», что «в 13 раз меньше, чем у Малайзии и КНР», - указывает В.В. Любецкий. Он же приводит, опираясь на различные авторитетные источники и исследования ученых (С. Лескова, Э. Набиуллиной, В. Кудрова), многие другие факты и сравнения: так, доля расходов на НИОКР (начало 2008 г.) составляла в РФ чуть более 1% ВВП. По абсолютным расходам на науку РФ на порядок отстает от США, по числу инновационно активных предприятий от ФРГ более чем в 6 раз, а «по числу патентов мы отстаем от Японии в 10 раз, от США – в 6 раз, от Южной Кореи – в 2 раза. И это при том, что до стадии внедрения в России доходит только 1% изобретений. Средний срок службы машин и оборудования в промышленности РФ превышает 21 год, а в развитых странах он составляет 7-10 лет. Велик износ основного капитала в российской промышленности - в среднем 50%». Любецкий также подчеркивает, что российский экспорт машин, оборудования и транспортных средств составляет всего 5,5%, в то время как импорт такой продукции – 51%. Минеральные продукты занимают 65% объема экспорта и эта доля в последние годы растет. Справедливой является констатация, что «нашей стране не удастся стать равноправным партнером ведущих стран с инновационной экономикой». Низкая конкурентоспособность нашей экономики привела к тому, что «по некоторым товарным группам мы имеем критическую зависимость от импорта, к примеру, иностранная продукция занимает 40% рынка продовольствия и почти 80% - важнейших лекарственных препаратов» [5. С. 36-37].

Здесь кстати будет сказать - и это имеет экономическое и геополитическое значение, - что Россия нуждается в «гармонизированных отношениях русского города с землей (после страшного торжества над деревней в XX в.)» [11. С. 149].

Исходя из того, что Россия находится на 51 месте среди 131 страны по конкурентоспособности национальной экономики (по методологии Всемирного Экономического форума в Давосе) и её «пока нельзя отнести к числу держав, действительно определяющих архитектуру будущего мирового экономического порядка», одной из первых задач следует считать улучшение конкурентоспособности, что подразумевает решение острых проблем коррупции, эффективного рынка, налогового администрирования, финансового рынка. Например, банковский сектор вследствие ряда факторов, коренящихся также и в политике Минфина и Центробанка, не может финансировать крупные проекты, «российский малый и даже средний бизнес практически не имеют доступа к “длинным” деньгам». Нужна новая

финансовая и долгосрочная промышленная политика, «создание конкурентной среды». Между тем видна «неспособность руководящего звена к прорывным решениям, способным вывести экономику на совершенно новый виток развития, где в основу роста будут заложены качественные параметры», и такое препятствие для налаживания диалога бизнеса и государства, как «коррупция и некомпетентность чиновников, их неспособность к самостоятельным и ответственным действиям» [5. С. 38].

Таким образом, определяется нерешенность проблемы динамичных, экономически и социально эффективных производственных отношений. А между тем, в настоящих условиях, как подчеркивает С.П. Перегудов, «роль бизнеса становится поистине ключевой не только с экономической, но и с политической точек зрения». Но выполнение этой ключевой роли возможно только при условии более равновесных отношений с государством и наличии гарантий «беспрепятственной реализации... предпринимательской деятельности». От этих гарантий зависит также привлечение долгосрочных зарубежных инвестиций [8. С. 126].

Здесь уместно будет отметить такую проблему, как отсутствие правовых гарантий предпринимательства. Общество остро ощущает правовой кризис. В.Б. Пастухов констатирует, что в России в течение многих лет неуклонно происходит сокращение «пространства правосудия», что правосудие превратилось «в разновидность административной деятельности, осуществляемой государством» и что «все правовые коллизии... разрешаются в России исключительно в пользу власти». Особенно печально то, что «следствие в России *самодостаточно*. Оно выносит свое окончательное решение задолго до того, как появляется на свет судебное решение». Пастухов делает вывод о деградации правовой системы РФ, о её падении «даже ниже того уровня, который был достигнут в «позднебрежневский» период». «Право в целом перестает быть чем-то осязаемо объективным, а больше напоминает инструмент насилия», «зона «абсолютного», политически мотивированного правового произвола резко расширилась». Он пишет, что «такое развитие ситуации входит в острое противоречие с другой правовой тенденцией - растущей потребностью общества в праве, обусловленной развитием экономических отношений... Либо потребности экономического развития заставят власть расширить площадку для нормального развития русского права, либо сужение правового поля под давлением политических обстоятельств приведет к стагнации, а может, и коллапсу российской экономики» [7. С. 165-167, 170-171].

Ясно, что положение в правовой сфере отражает наличие в России «неприкасаемых», «неподконтрольных» и «привилегированных», что большинству общества кажется несправедливым и тормозящим развитие. А.В. Павроз пишет, что некоторые «ведущие экономические и бюрократические интересы» имеют «гипертрофированное», «доминирующее влияние на процессы выработки и реализации государственной политики», но «механизмы данного доминирования, положение органов публичной власти и характер их отношений» с указанными группами интересов в 2000-х существенно отличаются от тех, которые были в 1990-х гг., и объясняет это

«переходом от плюралистической к корпоративистской системе социально-политического взаимодействия», которая, по его мнению, предопределила «недемократический» и «нерыночный» характер РФ. Её «система правления в наибольшей степени напоминает модель авторитарного корпоративизма». Он считает, что она «не имеет исторических перспектив с точки зрения достижения более фундаментальных модернизационных целей, стоящих в настоящее время перед российским обществом» [6. С. 58-60].

С.П. Перегудов оценивает время с весны 2003 г. как период формирования государственного корпоративизма, характеризующегося доминирующей ролью государства и отсутствием четких правил игры, усилением политического контроля над бизнесом и «приобщением госбюрократии к собственности». В рамках государственного корпоративизма капитализм “частный”, “получастный” и государственный показали неспособность развивать экономику страны, а госкорпорации «в своем нынешнем виде» не могут «обеспечить не только “инновационный прорыв”, но и решение гораздо более скромных задач удержания существующих отраслей и производств “на плаву”». Партнерская модель отношений между государством и бизнесом «остается на втором плане и скорее дополняет, нежели вытесняет модель госкорпоративистскую», бизнес остается «политически бесправным» [8. С. 123-125]. Следствием политического и административного контроля и других ограничений «является низкая экономическая эффективность и склонности к застою, неспособность к модернизации и инновационная апатия, ... узкокорпоративная мотивация профессиональной деятельности управленцев и собственников...» [8. С. 125].

Однако, «нынешняя российская модель не является по определению тупиковой... у нее есть потенциал развития в направлении нового корпоративизма и полноценного политического плюрализма». Перегудов подчеркивает важность диалога и согласия политической и бизнес-элит, их опоры на поддержку гражданского общества «в предстоящий критический период» [8. С. 127-128].

Достижение модернизационных целей Павроз связывает не только с либерально-плюралистическими, но и с «современными корпоративистскими системами западноевропейского образца, которые ближе и к имеющейся модели власти, и к «фундаментальным установкам российского общества» Он считает, что «неокорпоративизм может стать значимой альтернативой политического и социально-экономического развития России в XXI в.» [6. С. 60-61].

Кажется, мы видим в действии сценарий, нарисованный В.Л. Цымбурским, который писал: «Какое-то время я склонен полагать, что ослабление внешнего давления на Россию с восстановлением островного паттерна может способствовать оформлению паразитарной и своекорыстной псевдозлиты – “фронды” в шпенглеровском смысле – слоя, склонного к преобразованию надсословного государства в орган узкосословного властвования». На этапе «городской революции» происходит «сложное взаимодействие государства, городского класса и усилий верхушечной

“фронды”, идет борьба «реформационной и контрреформационной волн» [11. С. 150, 154].

Как подчеркивает Е.Б. Шестопал, в России сегодня сложились “модернизационная” и “консервативная” повестки дня. Первая связана с Д.А. Медведевым, а вторая - с В.В. Путиным: «различие в подходах налицо, и это является достаточно мощным фактором, поддерживающим раскол политических элит». [9. С. 11]. От исхода борьбы этих сил зависит успех или провал модернизации.

Литература

1. Васильев В.П. Мировой экономический кризис: причины и пути выхода //Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 31-35.
2. Дробот Г.А. Глобализация, мировой финансовый кризис и Россия //Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 40-45.
3. Епархина О.В. Социоструктурные трансформации в работах Т. Скочпол. //Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 58-73.
4. Ильин М. Политическая модернизация: неоконченная драма в трех действиях //Стратегия. 1998. № 1. С. 77-102.
5. Любецкий В.В. Российская экономика в начале XXI в.: достижения и противоречия //Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 3. С. 36-40.
6. Павроз А.В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние //Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 50-61.
7. Пастухов В.Б. Бес права. Русское право как ускользящая реальность. //Полис. 2011. № 2. С. 162-171.
8. Перегудов С.П. Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное) // Полис. 2010. № 5. С. 111-128.
9. Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. 2011. № 2. С. 7-24.
10. Штомпка П. Социология социальных изменений /Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспекты Пресс, 1996. - 416 с.
11. Цымбурский В.Л. Speak? Методу! (Введение в книгу “Конъюнктуры Земли и Времени”) // Полис. 2011. № 2. С. 145-171.